

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ

Трилогія. Російською мовою (за першодруком).

У ПРИСТАНИ

Книга третья

*Та немає лучче, та немає краще,
Яку нас на Вкраїні,
Та немає пана, та немає ляха,
Немає унії.
Народная песня*

|

Стоял яркий июньский день. Бледно голубое небо раскинулось высоким куполом над необозримым, по краям волнистым пространством, покрытым темными пятнами дремучих лесов; то там, то сям сверкали среди них, словно аквамарины, тихие, прозрачные озера или ярко зеленые, изумрудные болота; кое где темные пятна лесов перерезывали широкие ленты желтых песков или полосы хилой, бледной пашни. В воздухе было тихо, тепло, но не жарко. Солнце перешло уже за полдень и обливало всю даль двоими ласковыми лучами, и в этих то золотых лучах грелась и нежилась тихая, задумчивая Литва.

Но внизу, в дремучих лесах и жалких поселках, не было так безмятежно, как можно было бы подумать сначала. За околицей одного из таких поселков, прилепившегося у опушки темного столетнего бора, толпилась значительная группа поселян; все они были малорослы, сутуловаты, с обрюзгшими, болезненными лицами. Белые валяные шапки и такие же свитки дополняли их общий унылый, покорный вид. Два поселянина караулили вдаль, наблюдая за дорогой. Посреди толпы стояла какая

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ

Трилогія. Російською мовою (за першодруком).

У ПРИСТАНИ

Книга третья

*Та немає лучче, та немає краще,
Яку нас на Вкраїні,
Та немає пана, та немає ляха,
Немає унії.
Народная песня*

|

Стоял яркий июньский день. Бледно голубое небо раскинулось высоким куполом над необозримым, по краям волнистым пространством, покрытым темными пятнами дремучих лесов; то там, то сям сверкали среди них, словно аквамарины, тихие, прозрачные озера или ярко зеленые, изумрудные болота; кое где темные пятна лесов перерезывали широкие ленты желтых песков или полосы хилой, бледной пашни. В воздухе было тихо, тепло, но не жарко. Солнце перешло уже за полдень и обливало всю даль двоими ласковыми лучами, и в этих то золотых лучах грелась и нежилась тихая, задумчивая Литва.

Но внизу, в дремучих лесах и жалких поселках, не было так безмятежно, как можно было бы подумать сначала. За околицей одного из таких поселков, прилепившегося у опушки темного столетнего бора, толпилась значительная группа поселян; все они были малорослы, сутуловаты, с обрюзгшими, болезненными лицами. Белые валяные шапки и такие же свитки дополняли их общий унылый, покорный вид. Два поселянина караулили вдаль, наблюдая за дорогой. Посреди толпы стояла какая

то фигура в монашеской одежде и в высокой, сужающейся сверху шапке, закрывавшей до половины лицо. На этом то монахе, очевидно, и сосредоточивалось все внимание толпы. Лица всех были возбуждены, взволнованны, каждый старался протиснуться вперед, чтобы не проронить ни слова из речи монаха.

— Пора, пора, братие, — говорил тот горячо, — приспе убо час, наста время подняться всем против подлого ига польских панов и ксендзов! Господь нас всех создал равными, а они, обратиша вас в волов подъяремных, били вас горше домашнего скота; но приспе час возмездия: сам господь призывает вас восстать за свою правую веру и низвергнуть их, еретиков и хулителей божьего слова!

— Так, так, отче, — раздалось несмело в разных местах. — Да куда нам! Мы люди темные, слабые, нам ли идти против ляхов? Одного зарежешь, а нахлынет их куча — и конец!

— Вы не одни, — продолжал горячо монах, — батько Хмель, глаголю вам, стоит за вами, с ним сорок тысяч войска и сам Тугай бей... Разбито польское коронное войско; самих гетманов отправил батько в Крым.

Громкие крики изумления прервали слова монаха, но в это время раздалось несколько голосов:

— Тише, хлопцы! Не знаешь ты, видно, отец святой, что не Хмель панов, а паны уже разбили Хмеля. Вчера мы вернулись из города, все паны говорят, что Хмель в плену и строят для него виселицу в Варшаве.

— Лгут вам все паны! — вскрикнул пламенно монах. — Они боятся, чтобы вы не подняли бунта, и стараются запугать вас! Разбито, паки реку, коронное войско, да скоро услышите еще и не то! Бежат отовсюду паны при одном имени Хмеля: каждый день, аки речки к морю, льются к нему тысячи войсковых людей! В Волыни уже поднялось все посполство: сожгли в Белянах костел, вырезали ляхов в Триречьи...

— Так что ж и нам смотреть на них! Допекли они нас не хуже вашего! — раздалась яростные крики в задних рядах. — По домам, братцы, за серпы, за косы! Правду отец святой говорит!

то фигура в монашеской одежде и в высокой, сужающейся сверху шапке, закрывавшей до половины лицо. На этом то монахе, очевидно, и сосредоточивалось все внимание толпы. Лица всех были возбуждены, взволнованны, каждый старался протиснуться вперед, чтобы не проронить ни слова из речи монаха.

— Пора, пора, братие, — говорил тот горячо, — приспе убо час, наста время подняться всем против подлого ига польских панов и ксендзов! Господь нас всех создал равными, а они, обратиша вас в волов подъяремных, били вас горше домашнего скота; но приспе час возмездия: сам господь призывает вас восстать за свою правую веру и низвергнуть их, еретиков и хулителей божьего слова!

— Так, так, отче, — раздалось несмело в разных местах. — Да куда нам! Мы люди темные, слабые, нам ли идти против ляхов? Одного зарежешь, а нахлынет их куча — и конец!

— Вы не одни, — продолжал горячо монах, — батько Хмель, глаголю вам, стоит за вами, с ним сорок тысяч войска и сам Тугай бей... Разбито польское коронное войско; самих гетманов отправил батько в Крым.

Громкие крики изумления прервали слова монаха, но в это время раздалось несколько голосов:

— Тише, хлопцы! Не знаешь ты, видно, отец святой, что не Хмель панов, а паны уже разбили Хмеля. Вчера мы вернулись из города, все паны говорят, что Хмель в плену и строят для него виселицу в Варшаве.

— Лгут вам все паны! — вскрикнул пламенно монах. — Они боятся, чтобы вы не подняли бунта, и стараются запугать вас! Разбито, паки реку, коронное войско, да скоро услышите еще и не то! Бежат отовсюду паны при одном имени Хмеля: каждый день, аки речки к морю, льются к нему тысячи войсковых людей! В Волыни уже поднялось все посполство: сожгли в Белянах костел, вырезали ляхов в Триречьи...

— Так что ж и нам смотреть на них! Допекли они нас не хуже вашего! — раздалась яростные крики в задних рядах. — По домам, братцы, за серпы, за косы! Правду отец святой говорит!

Но еще передние ряды стояли в нерешительности.

— Стойте и стойте, хлопцы! — остановил раскричавшихся седой, сгорбленный старик и, вышедши вперед из толпы, остановился перед монахом. — Слушай, божий человек, — заговорил он, опираясь на палку, — да не мутишь ли ты нас понапрасну? Где уж козакам коронное войско победить?

— Я служитель бога, а не бунтарь, — отвечал гордо монах, — и прислан к вам от самого Хмеля да от киевских Святынь. Божий вождь идет за народ и за веру и обещает выбить весь люд из под лядского ярма. Святыи владыка благословил и поставил его над вами: он ваш король и гетман, он даст всему краю и мир, и волю, и лад!

— Так что же ждать? Слава Хмелю! По домам, братцы! За серпы, за косы! — раздались уже отовсюду горячие голоса, и вся толпа всколыхнулась, как один человек.

— Стойте, братие, — остановил всех монах, — так, сгоряча, не довлеет; разошлите хлопцев с весточкой этой по окрестным селам, да только тихо, чтоб не проведал никто из панов, дондеже не вострубит глас велий. Собирайтесь загонами, очищайте русскую землю и спешите к батьку; всем найдется работа, а по трудах вольная воля и своя земля.

— Слава Хмелю! Слава батьку! Головы за него положим! — закричали десятки голосов, но в это время раздался испуганный крик сторожевых:

— Чаплинский! Чаплинский и Ясинский с ним!

В одно мгновенье толпа распахнулась. Некоторые, более дальние, метнулись по сторонам, остальные же не успели скрыться, так как группа всадников, испугавшая сторожевых, заметила уже переполох толпы и приближалась к ней на полных рысях.

Все окаменели; горячее выражение лиц мгновенно заменилось выражением забитого, приниженного страха, только более молодые хлопцы бросали на приближающихся угрюмые, затаенные взгляды. Впереди всех всадников покачивался на сытом широкогрудом коне дородный шляхтич с круглым, солидным брюшком, приходившим в движение при каждом шаге

Но еще передние ряды стояли в нерешительности.

— Стойте и стойте, хлопцы! — остановил раскричавшихся седой, сгорбленный старик и, вышедши вперед из толпы, остановился перед монахом. — Слушай, божий человек, — заговорил он, опираясь на палку, — да не мутишь ли ты нас понапрасну? Где уж козакам коронное войско победить?

— Я служитель бога, а не бунтарь, — отвечал гордо монах, — и прислан к вам от самого Хмеля да от киевских Святынь. Божий вождь идет за народ и за веру и обещает выбить весь люд из под лядского ярма. Святыи владыка благословил и поставил его над вами: он ваш король и гетман, он даст всему краю и мир, и волю, и лад!

— Так что же ждать? Слава Хмелю! По домам, братцы! За серпы, за косы! — раздались уже отовсюду горячие голоса, и вся толпа всколыхнулась, как один человек.

— Стойте, братие, — остановил всех монах, — так, сгоряча, не довлеет; разошлите хлопцев с весточкой этой по окрестным селам, да только тихо, чтоб не проведал никто из панов, дондеже не вострубит глас велий. Собирайтесь загонами, очищайте русскую землю и спешите к батьку; всем найдется работа, а по трудах вольная воля и своя земля.

— Слава Хмелю! Слава батьку! Головы за него положим! — закричали десятки голосов, но в это время раздался испуганный крик сторожевых:

— Чаплинский! Чаплинский и Ясинский с ним!

В одно мгновенье толпа распахнулась. Некоторые, более дальние, метнулись по сторонам, остальные же не успели скрыться, так как группа всадников, испугавшая сторожевых, заметила уже переполох толпы и приближалась к ней на полных рысях.

Все окаменели; горячее выражение лиц мгновенно заменилось выражением забитого, приниженного страха, только более молодые хлопцы бросали на приближающихся угрюмые, затаенные взгляды. Впереди всех всадников покачивался на сытом широкогрудом коне дородный шляхтич с круглым, солидным брюшком, приходившим в движение при каждом шаге

коня; на нем был пышный польский костюм с молодежато заброшенными за плечи вылетами и такая же шапка с кичливо торчащим пером. Голубые выпуклые глаза пана сидели навывкате; щетинистые светлые усы были подкручены вверх. Толстое лицо его от быстрой езды и от вспыхнувшего, гнева было теперь багрово, дыхание вырывалось из его обширной груди со свистом и шумом. Рядом с ним скакала молодая женщина необычайной красоты; во всей ее осанке, в каждом жесте сквозили гордость, честолюбие и сознание собственной обаятельности. Дородный шляхтич обращался с нею с шумным восторгом, сквозь который нетрудно было заметить, что он немало побаивается красавицы; сосед ее налево, молодой шляхтич с хорошеньким острым личиком, на котором играло кичливое выражение, рассыпался и юлил перед нею; но, несмотря на это, лицо красавицы было холодно и недовольно, губы плотно сжаты, синие глаза глядели из под соболевых бровей презрительно и надменно, когда же взгляд их скользил по дородной фигуре пана, в них отражалось далеко не дружелюбное чувство. За шляхтичами ехали в почтительном отдалении слуги, доезжачие и псари со сворами собак. Дородный шляхтич, которого поселяне называли Чаплинским, заметил сразу скопище народа и замешательство, которое вызвало их появление.

— Лайдаки, псы, быдло! — заревел он, пришпоривая коня. — Вот я вам покажу, как от работы бегать да шептаться здесь по углам!

Но пойманные поселяне и не думали двигаться; они переминаясь испуганно с ноги на ногу, теребя в руках свои шапки; только монах смотрел спокойно и равнодушно на приближающегося разгневанного пана.

— Марылька, богиня моя, — обратился Чаплинский к молодой женщине, — ты подожди нас здесь, а вы, панове, за мной! — скомандовал он окружающим.

Молодой шляхтич и слуги поспешили за паном; в несколько мгновений всадники очутились уже в самой середине толпы.

коня; на нем был пышный польский костюм с молодежато заброшенными за плечи вылетами и такая же шапка с кичливо торчащим пером. Голубые выпуклые глаза пана сидели навывкате; щетинистые светлые усы были подкручены вверх. Толстое лицо его от быстрой езды и от вспыхнувшего, гнева было теперь багрово, дыхание вырывалось из его обширной груди со свистом и шумом. Рядом с ним скакала молодая женщина необычайной красоты; во всей ее осанке, в каждом жесте сквозили гордость, честолюбие и сознание собственной обаятельности. Дородный шляхтич обращался с нею с шумным восторгом, сквозь который нетрудно было заметить, что он немало побаивается красавицы; сосед ее налево, молодой шляхтич с хорошеньким острым личиком, на котором играло кичливое выражение, рассыпался и юлил перед нею; но, несмотря на это, лицо красавицы было холодно и недовольно, губы плотно сжаты, синие глаза глядели из под соболевых бровей презрительно и надменно, когда же взгляд их скользил по дородной фигуре пана, в них отражалось далеко не дружелюбное чувство. За шляхтичами ехали в почтительном отдалении слуги, доезжачие и псари со сворами собак. Дородный шляхтич, которого поселяне называли Чаплинским, заметил сразу скопище народа и замешательство, которое вызвало их появление.

— Лайдаки, псы, быдло! — заревел он, пришпоривая коня. — Вот я вам покажу, как от работы бегать да шептаться здесь по углам!

Но пойманные поселяне и не думали двигаться; они переминаясь испуганно с ноги на ногу, теребя в руках свои шапки; только монах смотрел спокойно и равнодушно на приближающегося разгневанного пана.

— Марылька, богиня моя, — обратился Чаплинский к молодой женщине, — ты подожди нас здесь, а вы, панове, за мной! — скомандовал он окружающим.

Молодой шляхтич и слуги поспешили за паном; в несколько мгновений всадники очутились уже в самой середине толпы.

— А, заговоры? Бунты? Свавольства? — заревел Чаплинский, схвативши за шиворот одного из жалких мужичонков и потрясая его из всех сил. — Что собрались? Чего шепчетесь? Говори, собака! Язык вымотаю!

— Мы, пане... — начал было, заплетаясь, поселянин.

— Вельможный пане, быдло! — перебил его молодой шляхтич, и сильный удар ногою повалил крестьянина наземь. Голова последнего ударилась при падении об острие стремени, и узкая полоска крови потекла по щеке. По рядам окружающих пробежал какой то слабый ропот.

— А это что такое? — заревел Чаплинский, выхватывая хлыст. — Молчать, или я вас тут всех перепорю насмерть! Чего собрались? Отвечайте, собачьи сыны!

— Кажись, причина собрания заключается в том схизмате, — указал Чаплинскому Ясинский глазами на монаха, стоявшего в стороне.

— Привести его сюда, песьего сына! — рявкнул Чаплинский, и двое слуг, соскочивши моментально с седел, схватили под руки монаха и притащили к Чаплинскому.

— Что делаешь здесь, поп? — крикнул Чаплинский, стискивая рукоять хлыста.

— Рассказываю добрым людям о киевских святынях!

— Лжешь, пес, — народ мутить пришел!

— Ксендза зови собакой, а я служитель алтаря!

— Схизмат, лайдак, букопар! — заревел не своим голосом Чаплинский и, размахнувшись, стегнул со всей силы хлыстом монаха по лицу; из кровавой полосы, перерезавшей щеки, брызнула кровь. Монах схватился было рукой за пазуху, но остановился.

— Так вот ты что? А я ж научу тебя, собачья вера, как с паном говорить! — зарычал Чаплинский, бросаясь к монаху. Тихий шум в толпе превратился неожиданно в глухой ропот.

— Оставь, вельможный пане, не тронь святого человека! — раздались хотя сдержанные, но глухие голоса в задних рядах, и толпа понадвинулась к пану, заслоня монаха.

— А, заговоры? Бунты? Свавольства? — заревел Чаплинский, схвативши за шиворот одного из жалких мужичонков и потрясая его из всех сил. — Что собрались? Чего шепчетесь? Говори, собака! Язык вымотаю!

— Мы, пане... — начал было, заплетаясь, поселянин.

— Вельможный пане, быдло! — перебил его молодой шляхтич, и сильный удар ногою повалил крестьянина наземь. Голова последнего ударилась при падении об острие стремени, и узкая полоска крови потекла по щеке. По рядам окружающих пробежал какой то слабый ропот.

— А это что такое? — заревел Чаплинский, выхватывая хлыст. — Молчать, или я вас тут всех перепорю насмерть! Чего собрались? Отвечайте, собачьи сыны!

— Кажись, причина собрания заключается в том схизмате, — указал Чаплинскому Ясинский глазами на монаха, стоявшего в стороне.

— Привести его сюда, песьего сына! — рявкнул Чаплинский, и двое слуг, соскочивши моментально с седел, схватили под руки монаха и притащили к Чаплинскому.

— Что делаешь здесь, поп? — крикнул Чаплинский, стискивая рукоять хлыста.

— Рассказываю добрым людям о киевских святынях!

— Лжешь, пес, — народ мутить пришел!

— Ксендза зови собакой, а я служитель алтаря!

— Схизмат, лайдак, букопар! — заревел не своим голосом Чаплинский и, размахнувшись, стегнул со всей силы хлыстом монаха по лицу; из кровавой полосы, перерезавшей щеки, брызнула кровь. Монах схватился было рукой за пазуху, но остановился.

— Так вот ты что? А я ж научу тебя, собачья вера, как с паном говорить! — зарычал Чаплинский, бросаясь к монаху. Тихий шум в толпе превратился неожиданно в глухой ропот.

— Оставь, вельможный пане, не тронь святого человека! — раздались хотя сдержанные, но глухие голоса в задних рядах, и толпа понадвинулась к пану, заслоня монаха.

— Цо? — побагровел Чаплинский, заметивши движение рядов, и начал медленно осаживать коня. — Ни с места, быдло! — заревел он, уже приблизившись к своим слугам. — На колья вас всех, бунтари! А! Вы думаете устраивать мне тут заговоры? Голову сниму каждому, кто посмеет хоть голос поднять, по три шкуры сдеру, живых потоплю, за по рю насмерть! — задыхался он от бешенства.

Все угрюмо молчали, но в этом молчании проглядывала какая то дикая решимость. Чаплинский отъехал.

— Пане Ясинский! — сделал он молодому шляхтичу знак рукой. Шляхтич поспешно подскакал к своему господину. — А что, пане, дело ведь плохо! — уставился на него Чаплинский своими выпуклыми глазами.

Ясинский молчал.

— Узнавал ли ты, пане, по соседству, что говорят о хлопах и Хмеле? — продолжал Чаплинский.

— Да верного ничего; но всюду, как и здесь, какое то мятежное чувство: хлопство шепчется, шатаются подозрительные люди; пробовал было я допрашивать их и с пристрастием, да вельможный пан сам знает — от них ведь не добьешься ничего!

— Сто тысяч дяблов, — проговорил Чаплинский, — ну и времена настали! Опасно при них и схватить этого пса! Одноче надо принять меры, за схизматом проследить, оттереть от быдла, схватить и допросить, — хоть жилы вымотать с него, а выпытать правду. Шинкарю наказать, чтобы слушал в оба уха, о чем будут шептаться в шинке, и немедля передал нам; всюду расставить дозорцев, шпигов и удвоить строгость.

— Слушаю пана подстаросту, — поклонился шляхтич.

— Но дело потом; едем, пане!

— А паню? — изумился Ясинский.

— А, да, да! — вскрикнул испуганно Чаплинский, и шляхтичи, повернув коней, поскакали к красавице.

Когда Чаплинский с Ясинским направились в толпу поселян, молодая женщина проводила их полным презрения взглядом.

— Цо? — побагровел Чаплинский, заметивши движение рядов, и начал медленно осаживать коня. — Ни с места, быдло! — заревел он, уже приблизившись к своим слугам. — На колья вас всех, бунтари! А! Вы думаете устраивать мне тут заговоры? Голову сниму каждому, кто посмеет хоть голос поднять, по три шкуры сдеру, живых потоплю, за по рю насмерть! — задыхался он от бешенства.

Все угрюмо молчали, но в этом молчании проглядывала какая то дикая решимость. Чаплинский отъехал.

— Пане Ясинский! — сделал он молодому шляхтичу знак рукой. Шляхтич поспешно подскакал к своему господину. — А что, пане, дело ведь плохо! — уставился на него Чаплинский своими выпуклыми глазами.

Ясинский молчал.

— Узнавал ли ты, пане, по соседству, что говорят о хлопах и Хмеле? — продолжал Чаплинский.

— Да верного ничего; но всюду, как и здесь, какое то мятежное чувство: хлопство шепчется, шатаются подозрительные люди; пробовал было я допрашивать их и с пристрастием, да вельможный пан сам знает — от них ведь не добьешься ничего!

— Сто тысяч дяблов, — проговорил Чаплинский, — ну и времена настали! Опасно при них и схватить этого пса! Одноче надо принять меры, за схизматом проследить, оттереть от быдла, схватить и допросить, — хоть жилы вымотать с него, а выпытать правду. Шинкарю наказать, чтобы слушал в оба уха, о чем будут шептаться в шинке, и немедля передал нам; всюду расставить дозорцев, шпигов и удвоить строгость.

— Слушаю пана подстаросту, — поклонился шляхтич.

— Но дело потом; едем, пане!

— А паню? — изумился Ясинский.

— А, да, да! — вскрикнул испуганно Чаплинский, и шляхтичи, повернув коней, поскакали к красавице.

Когда Чаплинский с Ясинским направились в толпу поселян, молодая женщина проводила их полным презрения взглядом.